

© Е.Б. Деминцева

**«МЫ ПРИЕХАЛИ СЮДА ЗА НАДЕЖДОЙ»:
ОПЫТ ЖИЗНИ ИММИГРАНТОВ***

Ключевые слова: иммигранты, Франция, африканцы, сонинке¹, городские пространства, территориальная идентичность

Массовая волна миграции малийцев во Францию началась в 1960-е годы: молодые выходцы из деревень (в основном сонинке из района Каес), приезжали в страну на несколько месяцев или лет, затем возвращались на родину, и на их место прибывали их братья или сыновья. В это же время во Франции начинают говорить о таком явлении как “малийское общежитие” – стихийно возникшие или же официально учрежденные общежития, обитателями которых являлись выходцы из одной деревни или района Мали. В статье будет рассмотрена история иммиграции малийцев во Франции, проанализирована роль “малийских общежитий” как самостоятельно функционирующих социальных организмов в городском пространстве. На основе интервью, сделанных в “малийских общежитиях” в 2010–2011 гг. будет описана жизнь сегодняшних иммигрантов из Мали во Франции, их видение себя во французском обществе.

Малийцы во Франции. История эмиграции. Первыми иммигрантами во Франции из стран Африки южнее Сахары были выходцы из Мали (сонинке из района Каес), Сенегала (район Матам), Мавритании (район Кудимага). Все же, первопроходцами этой иммиграции чаще называют именно сонинке: во время Первой мировой войны именно представители этого народа нанимались в крупные судоходные компании Франции (около 3 000 человек) для работы матросами, помощниками кочевара или же на кухне (*Munchuelle*: 2004). Во время Второй мировой войны дополнительная рабочая сила, в том числе из Африки, стала вновь необходима Франции: с развитием военных действий, морской флот страны стал нанимать африканцев, в том числе и сонинке, в качестве моряков, а в саму страну приехали первые рабочие-иммигранты из этого региона. Однако этот поток не был многочисленным, и лишь начиная с 1950 г. можно говорить о массовом прибытии африканцев из Африки южнее Сахары во Францию.

Восстановление Франции после Второй мировой войны, а также индустриализация сделали необходимым привлечение рабочих из других стран. Сонинке были первыми из африканцев Черной Африки, откликнувшихся на призыв французского правительства. Было две основных причины, по которым именно сонинке стали активно эмигрировать во Францию. Во-первых, в регионе, где они родились и жили, были большие проблемы с продовольствием, и для многих семей отъезд одного или нескольких ее членов на заработки был иногда спасением от голода. Эмиграция во Францию для этого народа быстро стала основным источником существования семей: у малийцев, живущих во Франции, а также тех, кто уже вернулся на родину в Мали, стали формироваться сети – семейные, родственные, клановые, в составе которых уезжали на заработки мужчины.

Екатерина Борисовна Деминцева – к.и.н., зав. Центром истории и культурной антропологии Института Африки РАН, ассоциированный исследователь в Центре социологического анализа и интервенций при Высшей школе социальных наук в Париже; e-mail: katia-d@yandex.ru

* Исследование проведено при поддержке Франко-российского центра в Москве в 2010 г. и Фонда “Дом наук о человеке” (г. Париж) в 2011 г.

Второй причиной миграций сонинке является то, что они занимаются земледелием лишь несколько месяцев в году, то есть посезонно. На несколько месяцев в году мужчины могут уезжать на заработки, так как в этот период у них нет необходимости заниматься сельским хозяйством (сезон дождей, засушливые месяцы). Еще до того, как началась массовая иммиграция в Европу, были известны случаи отъезда мужчин в другие области африканского континента для подработки (они нанимались на суда и работали в портовых городах Африки). Поэтому отъезд на несколько месяцев в Европу, а не, как раньше, в другие регионы Африки, был всего лишь сменой направления эмиграции (*Quiminal* 1991).

В 1956 г., по официальным данным, во Франции проживало 15 тыс. выходцев из Африки южнее Сахары, а в 1963 г. уже от 22 до 30 тысяч человек (*Munchuelle* 2004: 312). Многие из них оставались во Франции на 5–6 месяцев: в основном это были молодые люди из деревень, не обремененные узами брака, которые приезжали в страну на временные заработки. В 1950–1960-е годы для выходцев из Мали, Мавритании и Сенегала был свободный въезд во Францию, и им требовалось только предъявить документы (*carte d'identité*), чтобы въехать на территорию страны.

В 1950–1960-е годы африканцы в основном обосновывались вокруг портовых городов – Марселя, Бордо, Гавра, где к тому времени на протяжении нескольких десятилетий (начиная с Первой мировой войны) складывались небольшие общины выходцев из стран Африки южнее Сахары. Как отмечают французские социологи М. Тимера и Ж. Гарнье, одной из причин появления в послевоенные годы африканцев в портовых городах было их “происхождение” из среды моряков, на службе во французской армии. Часть из них после окончания войны осталась во Франции, многие поступили на работу в торговые порты, а затем, в 1950-е годы, постепенно из портовых рабочих эти африканцы перекавалифицировались в торговцев в этих же городах, в частности в Марселе (*Timera, Garnier* 2010: 26). Еще одной из причин формирования общин в этих городах было то, что африканцы в основном прибывали во Францию на кораблях, и в порту довольно просто было найти работу – неквалифицированную и, как правило, тяжелую.

Но постепенно иммигранты-африканцы находили себе новую работу: они стали обосновываться вокруг больших индустриальных городов, таких как Париж или Лион.

Необходимо отметить, что до начала шестидесятых годов субсахарская миграция во Францию происходила в рамках временных проектов... Во время пребывания во Франции эти молодые люди как правило занимались неквалифицированной работой в автомобильной индустрии, дорожных службах, реже в строительстве или же в ресторанном секторе (*Timera, Garnier* 2010: 25).

Французские социологи определяют этот процесс как “возвратные миграции” (*migrations tournantes*), что означает постоянные перемещения африканских иммигрантов между малийской деревней и французским общезжитием (в это время примерный срок пребывания малийцев во Франции составлял от трех месяцев до полугода). Обычно после нескольких месяцев, проведенных во Франции, мужчины уезжали к себе на родину, затем возвращались обратно. Затем, по прошествии нескольких лет, на их места приезжали новые иммигранты – их родственники, выросшие дети, или же жители той же деревни. “Миграционный проект 1960-х годов был типа “вереницы” (*noria*), что означало короткий, насколько это возможно, чтобы заработать достаточный капитал, период пребывания в стране, и возвращение с триумфом на родину, и затем эмиграция следующего старшего члена семьи” (*Poiret* 1996: 62).

Обычно до приезда во Францию эти молодые люди не имели опыта работы на производстве, до этого времени они работали лишь в сельском хозяйстве. Надо отметить, что, в странах Африки южнее Сахары в отличие, например, от марокканцев или

алжирцев, которых целенаправленно привлекало правительство Франции для работы по государственному контракту на производстве, подобной практики официального найма рабочих не существовало. Прием этих молодых людей не был организован как, например, прием магрибинцев: только лишь личные связи помогали вновь прибывшим иммигрантам найти себе работу и жилье. Многие из них не говорили по-французски, были безграмотны. Жили африканцы в основном в организованных ими самими общежитиях, получивших впоследствии названия “малийских”, сформированных по принципу района происхождения или же “своего” клана.

В семидесятые годы миграционный поток малийцев во Францию увеличивается. Это происходит в связи с двумя событиями: во-первых, из-за засухи 1974–1975 гг., наступившей в районе проживания сонинке, и, во-вторых, – по причине закрытия в 1974 г. французской границы для не-европейцев и усложнения вследствие этого условий въезда в страну для африканцев.

В связи с засухой 1974–1975 гг. в странах, лежащих у южной границы Сахары (Сенегале, Нигере, Мали, Гвинее Биссау, Верхней Вольте), из-за которой погибли тысячи людей, многие африканцы были вынуждены поехать на заработки во Францию. Для многих семей не существовало альтернативы, так как только эмиграция в Европу одного из членов семьи могла спасти ее от голода. По официальным данным в начале 1970-х гг. во Франции обосновалось около 65 тыс. иммигрантов из Черной Африки, и 64% из них составляли сонинке (*Munchuelle* 2004).

Что же касается миграционной политики, в 1973 г. был подписан двусторонний договор между правительством Франции и тремя африканскими странами: Мавританией, Сенегалом и Мали, который регламентировал перемещение жителей стран между бывшими колониями и метрополией. На самом деле этот договор положил конец предыдущему договору, принятому тремя годами раньше, и разрешавшему свободное перемещение африканцев между Францией и этими тремя странами. Впоследствии, в 1974 г., отмена свободного перемещения между странами, повлияла на увеличение числа нелегально въехавших во Францию иммигрантов из Африки южнее Сахары, а их количество, вопреки тому, что предполагало правительство при введении этого закона, не уменьшилось. В то же время принятие этого закона повлекло за собой то, что большое количество иммигрантов попали в зависимость от своего работодателя, который мог узаконить их пребывание в стране.

Более того, отмена свободного перемещения между странами удлинила срок пребывания африканских иммигрантов во Франции. Они больше не имели свободы передвижения между странами, и, поскольку многие находились в иррегулярной ситуации, отъезд для многих из них из страны означал потерю работы (они не были уверены, что смогут вновь вернуться во Францию). Поэтому многие иммигранты предпочитали годами оставаться во Франции без документов, для того чтобы сохранить работу и заработать себе на жизнь после возвращения на родину.

Эти два обстоятельства изменили формы и потоки эмиграции из Мали. Из временной, иммиграция сахельских крестьян становится более или менее постоянной, или же удлиняется срок пребывания африканцев в стране. Миграция становится семейной – жены все чаще приезжают к своим мужьям, оставшимся на долгий срок во Франции, а иммигранты, получившие документы, приглашают своих родственников. В начале 1980-х годов количество иммигрантов из Субсахарской Африки резко увеличивается в том числе и за счет притока в страну молодых африканских женщин, приехавших к своим мужьям, а также родственников, старающихся не упустить шанс получить приглашение от своих близких. “По переписи 1974 г. женщины из Мали, Мавритании и Сенегала во Франции составляли 4 560 человек или 14% всех иммигрантов из этих стран” (*Poiret* 1996: 67). В 1982 г. их насчитывалось 19% от общего числа иммигрантов из этого региона Африки, тогда как в 1990 и в 1999 гг. появляются другие цифры – 32% и 38% соответственно. В основном это были женщины от 15 до 34 лет (тогда

как возраст мужчин в среднем составлял 35–54 года), у каждой рождалось во время пребывания во Франции несколько детей (*Gubert 2008*). “В 27% африканских семьях рождается трое и более детей, что в три раза больше чем в неиммигрантских семьях. Среди выходцев из Субсахарской Африки (в частности Мали и Сенегала) насчитывается наибольшее количество семей, в которых четыре и более детей в возрасте до 24 лет” (*Atlas 2012*). При этом сохранялось довольно значительное количество одиноких мужчин, как и раньше приезжающих на заработки на некоторое время и живущих в общежитиях.

В 1981 г. к власти во Франции приходят социалисты, которые делают попытки пересмотреть законы, ограничивающие въезд иностранцев на территорию страны и пытаются создать условия для “включения” иностранцев в жизнь страны. В это время создается большое количество ассоциаций иностранцев, упрощается процедура семейной иммиграции, пересматриваются нормы условий жизни в общежитиях. Однако в декабре 1984 г., после нескольких лет либерализации миграционной политики, власти вновь решили ужесточить условия въезда иностранцев в страну. Теперь уже требовалось официальное согласие членов семьи на приглашение своих же родственников из-за границы и ряд документов, собранных в досье и переданных на рассмотрение в мэрию округа, которая могла дать отказ в проживании супруги или родственника (и это были довольно частые случаи). Поэтому многие африканцы стали приглашать своих жен по туристической визе, надеясь в дальнейшем уладить вопросы с документами. В августе 1990 г. циркулярное письмо Рокара (*Rocard*) позволило урегулировать положение многих женщин, приехавших во Францию по туристической визе, упрощая процедуру выдачи вида на жительство тем, кто стал родителями ребенка, появившегося на свет во Франции (*Poiret 1996: 68*).

В этот же период увеличивается приток студентов из стран Африки южнее Сахары, а также в страну приезжает большое количество заирцев, которые получают статус беженцев. И, несмотря на либерализацию миграционной политики начала 1980-х годов, некоторых подвижек в области получения документов, существование во Франции выходцев из африканских стран все еще оставалось довольно шатким.

За последние два десятилетия “профиль африканской иммиграции во Францию изменился по сравнению с тем, каким он был 20 лет назад. Безграмотный сахельский крестьянин, нанимаемый на неквалифицированную работу, больше не является ключевой фигурой этой иммиграции. Сегодня мы видим многих выходцев из африканских стран, которых можно определить как “богатых”: продавцы нефти и сельскохозяйственных продуктов. У этих иммигрантов достаточно высокий уровень образования. Каждый второй (48,4%) учился в высшем учебном заведении, выходцы из стран субсахарской Африки в среднем имеют большее количество дипломов по сравнению с другими иммигрантами (24%)... Среди них насчитывается много женщин, иногда даже больше по сравнению с мужчинами” (*Attias-Donfut et al. 2007*).

В 2010–2011 гг. я провела более 30 интервью с выходцами из стран Африки южнее Сахары, в том числе среди выходцев из Мали. Мне удалось побывать в общежитиях, где живут малийцы, поговорить с ними. Опираясь на исследования французских социологов и антропологов прошлых лет и свои собственные наблюдения, я анализирую, возможно ли сегодня говорить об изменении профиля иммиграции африканцев из этого региона, а также – о предпосылках и сценарии их эмиграции и жизни ее представителей в сегодняшнем европейском обществе.

* * *

“Африка очень большая, – говорит в одном из интервью выходец из Камеруна. – На этом большом континенте мы видим совершенно разных людей. Например, малийцы, приезжая во Францию, сразу едут в Монтрей (пригород Парижа, населенный пре-

имущественно иммигрантами – Е.Д.). Это очень удобно для установления контактов. И так уже 30 лет. Это племенная сторона жизни африканцев” (ПМА, 2010, Этамп). Сами африканцы, живущие во Франции, выделяют малийцев как отдельную категорию иммигрантов из Африки, подчеркивая это в интервью:

Они (малийцы – Е.Д.) живут в основном в “малийских общежитиях”. И у них внизу (здания – Е.Д.) всегда есть хорошие рестораны. Помимо работы, молитвы и чаепития они ничего больше здесь не делают. Они не ходят в кино, не выходят в город и т. п. Это люди, которые много работают на тяжелой работе. Они получают 1 500–2 000 евро в месяц, но тратят не больше 200. Через лет пятнадцать у них накапливаются значительные суммы” (ПМА, 2010, Этамп).

Такой “типичный” портрет малийца, рисуют выходцы из стран Африки южнее Сахары или же от тех, кто общается с этими иммигрантами. Вот как описывает жизнь отца молодой человек, приехавший по его стопам из Мали работать во Францию:

Мой отец провел во Франции много лет. Он приезжал в деревню, чтобы жениться на моей матери. Потом родился я, потом мой брат. Мама умерла, и нас воспитывали родственники. Отца я видел очень редко, он несколько раз приезжал на каникулы. Почти его не знаю. Он вернулся в Мали, когда мне было 16 лет, потом отправил меня сюда, дал адрес своего знакомого, у которого я долго работал... Я почти не знаю своего отца. Я плохо помню маму. Я не хочу жить как мой отец – без семьи, не зная своих детей. Поэтому я решил остаться здесь. Я получаю в следующем месяце документы и еду летом жениться. Но жену я привезу сюда. Я хочу, чтобы у меня была семья, дети (ПМА, 2011, г. Сен-Дени).

Реализация такого плана в его случае возможна, так как он не живет со своими братьями и друзьями в “малийском общежитии”. Хозяин фирмы, в которой он работает, а до этого много лет работал его отец, помог ему снять маленькую квартиру (бывшая комната консьержки на первом этаже старого здания в иммигрантском пригороде Парижа), поручившись за него. При получении документов и после оформления брака он рассчитывает подать в мэрию запрос на получение социального жилья. “Мне повезло, – окидывая взглядом свою небольшую квартиру, говорит мой собеседник. – У меня одного (из его друзей-малийцев – Е.Д.) есть своя квартира. Но она маленькая. Когда я хочу увидеть друзей я иду к ним в общежитие” (ПМА, 2011, г. Сен-Дени).

До сих пор “малийское общежитие”²² остается главным пристанищем во Франции для выходцев из Африки. В основном в них живут африканцы, приехавшие из небольших деревень, малограмотные или же безграмотные, для которых необходимо адаптироваться не только к стране, но и к городскому образу жизни в целом. Такие общежития стали появляться во Франции еще в 1950 – начале 1960 гг. – они строились по инициативе французского правительства в индустриальных кварталах, пригородах мегаполисов, и были рассчитаны изначально на временное проживание рабочих-иностранцев, нанимавшихся на французские предприятия³. В основном их обитателями были неженатые молодые люди, которые старались держаться “своих”, селиться рядом с родственниками, знакомыми, выходцами из тех же деревень. По мнению Ж. Бару существует еще одна причина, по которой государство не препятствовало, а напротив, содействовало созданию таких общежитий: мужчины-иммигранты, которые жили во французском обществе без семьи, вызывали беспокойство со стороны властей и они их старались селить всех вместе, для того чтобы осуществлять за ними контроль. (Barou 2000–2001).

Для самих африканцев общежитие выполняло и выполняет еще одну важную функцию – функцию “семьи”. Именно через его обитателей иммигрант ищет возможность трудоустроиться. Он может выжить, иногда в прямом смысле слова, на чужбине, благодаря помощи, в том числе и финансовой, своих близких и знакомых по общежитию. Помимо экономических причин его держат и психологические – поддержка со-

отечественников, понимание проблем такого же, как и они – иностранца, иммигранта, не-европейца, заставляет тех, кто уже покинул общежитие, возвращаться туда, чтобы провести время в его стенах. Общежитие также является своего рода “клубом” для африканцев: даже те, кто его покинул, поселился отдельно, приходят туда по вечерам, в выходные дни.

Общежития становятся особым местом: с одной стороны создаются адаптированные под иммигрантов формы организации, существующие в рамках традиций привнесенных из Африки, с другой стороны проживание в нем дает возможность стать участником рынка рабочей силы. Коллективное проживание в общежитии помогает его обитателям благодаря низкой плате за жилье, возможности дешево питаться и пользоваться недорогими услугами, сделать денежные накопления. Это отвечает трем задачам, которые они перед собой ставят: оплатить долги, которые у них появились после оплаты дороги или же вернуть деньги семье; выполнять обязательства перед членами общины, в которой они живут во Франции (пополнять общую кассу взаимопомощи, оказывать помощь, в том числе и финансовую тем, кто оказался в трудной ситуации и т.п.); откладывать сбережения на будущее... (Poiret 1996: 66).

Есть и другая причина, по которой многие вынуждены селиться в общежитиях. Отсутствие документов, или же, при их наличии, трудности, возникающие у иммигранта с поиском жилья⁴, заставляют их годами жить в маленькой комнатке, зачастую вместе с приезжающими соотечественниками.

Я приехал сюда в 2001 г. И все это время (на тот момент 9 лет – Е.Д.) я живу в этом общежитии. Я вынужден здесь жить. У меня нет выбора. Никто не хочет такой жизни – в маленькой комнате, где иногда мы живем по двое или по трое. Пока мы не можем найти другого выхода” (ПМА, 2010, г. Этамп)

Я живу здесь уже 11 лет. Это не мой выбор. У меня нет выхода. Без документов я не могу снять квартиру (ПМА, 2010, г. Этамп).

Они даже не пытаются искать что-то другое, – говорит мой сопровождающий выходец из Мали, завсегдагатай этих общежитий. – Они понимают, что не смогут найти квартиру из-за отсутствия документов. С другой стороны им легче жить здесь. Они не тратят много денег на еду, здесь все их друзья, братья. Если возникает проблема – со здоровьем или еще какая-то – то ее решают все вместе. (ПМА, 2010, г. Этамп)

Общежития – это еще и африканская деревня в городе – именно такое ощущение создается, когдаходишь на его территорию. Здесь на полу или на столах в коридоре разложены товары: африканская одежда, предметы первой необходимости, продукты. Его обитатели знают, в какой комнате торгуют телефонными карточками для звонков в Африку, или же где можно зашить за небольшие деньги одежду или починить обувь – практически все это можно найти в любом таком общежитии. Те, кто бывал в африканских странах, услышат и узнают там запах африканской кухни (курица масала с рисом). В каждом общежитии есть свой молельный зал, проводятся собрания ассоциаций, отмечаются праздники. Как и в небольшой деревне, все обитатели знают друг друга: чужому обычно трудно пройти в здание, так как на входе его тут же спрашивают – либо торговцы, либо те, кто на этот момент находится в холле – к кому он идет. По моим впечатлениям (я несколько раз бывала в таких общежитиях), такой “невидимый” контроль (на входе обычно нет охранника, а всегда стоит кто-нибудь из его обитателей) очень эффективен, так как только с разрешения старейшин (обычно это пожилые люди), и подробного объяснения им целей своего прихода можно пройти в общежитие. Иногда такое разрешение можно не получить.

Мой сопровождающий (о нем пойдет речь ниже) – завсегдагатай “малийских общежитий”. Выходец из Мали, он живет недалеко от них в социальном доме (НЛМ⁵) с семьей, но постоянно приходит то в одно, то в другое общежитие. По дороге в обще-

жития он уточняет: первое, в которое мы зайдем – “типичное малийское общежитие”, в нем обособлено живут выходцы из одного региона Мали, в его стенах они сохраняют свои традиции и выходят из здания только на работу. Второе – то, где также живут его родственники и друзья – общежитие не только для иностранцев, но также и для малоимущих граждан Франции. Там нет этой закрытости, в нем живут люди всех национальностей (малийцы, алжирцы и французы), условия проживания в нем более комфортны и за порядком постоянно следит государственная организация, являющаяся учредителем этих общежитий (ADOMA⁶).

“Малийское общежитие” расположено в индустриальном на окраине города Этамп⁷ – вокруг здания на протяжении нескольких километров простираются склады и заводы. Мои сопровождающие говорят, что когда-то оно было построено местным предприятием для своих рабочих (примерно в 1960-х гг.). Кто владеет зданием сейчас, они не смогли сказать. Ближайшая остановка автобуса расположена в 20 минутах ходьбы от общежития, надо идти вдоль бесконечных бетонных заборов складов и предприятий, причем автобус курсирует только в рабочие дни. У входа в общежитие находится большая стоянка старых велосипедов: “Многие начинают работать так рано, что в это время автобусы еще не ходят, поэтому многие добираются до электрички или же до самого места работы на велосипеде”, – поясняет мой сопровождающий.

При входе в общежитие мы останавливаемся, мой сопровождающий просит подождать меня у двери. Он просит позвать ему старейшину и на протяжении нескольких минут они говорят на языке бамбара. Как пояснил мой сопровождающий, он рассказывал о моем исследовании. Нам разрешают пройти только на первый этаж. Заранее просят не заходить в подвал, где расположен молельный зал, и в комнаты. Просят не беседовать с жильцами.

Это общежитие коридорного типа с туалетом на этаже и кухней в конце коридора. На кухне вдоль стен стоит множество старых холодильников, многие из которых явно списаны из магазинов или мест общественного питания. На каждом висит большой замок, сделаны хитрые приспособления для запираения. Готовит обеды африканка из Кот Д’Ивуара, плохо говорящая по-французски. Несколько столов, стулья, обедает только один человек (около 3 дня, все уже поели – объясняют мои спутники). Обеды в этом общежитии стоят 1 евро (курица с рисом).

Мой сопровождающий решает показать мне комнаты – он открывает дверь и спрашивает, не продается ли у них телефонная карта для звонков в Западную Африку. Это дает мне возможность увидеть, что происходит в комнате. Комната метров шесть. Две односпальных кровати. На них сидят и лежат несколько человек. На полу разложены матрасы. На них тоже сидят и лежат люди. Всего человек десять. Очень тихо. Все смотрят большой телевизор (африканский канал). Ни вопросов, ни удивления. “Карточки закончились. Приходите через несколько дней”.

В коридоре молятся несколько человек. В холле сидит продавец: его товар – африканская одежда. Выходя из общежития, я прощаюсь с его “элитой”, позволившей мне осмотреть здание. Как мне объясняют мои сопровождающие, один из этих пожилых людей – имам молельного зала, находящегося в подвале. Мои сопровождающие комментируют при выходе увиденное:

Они здесь живут по многу лет. Выходят только на работу. Едят тоже только здесь. У многих нет документов – они либо нелегально въехали на территорию страны, либо приехали по туристической визе и так и остались здесь... Многие не ездят домой годами: отсюда трудно выбраться... Они зарабатывают деньги очень тяжелым трудом. Иногда через 15-20 лет становятся инвалидами. Часто, возвращаясь домой, они живут несколько лет и умирают. Их здоровье подорвано... (ПИМА, 2010, г. Этамп).

Они редко женятся вне своего сообщества. Свадьбы заранее обговариваются их семьями. Они берут (во Франции – Е.Д.) 2–3 месяца каникул и едут к себе, чтобы жениться и зачать ребенка. Потом они опять уезжают на несколько лет. Его жена в это время

живет в его семье. Через 2–3 года он опять приезжает и делает еще одного ребенка. Так происходит несколько раз за время их пребывания во Франции. Через лет 15–20 они возвращаются на родину. Это типичная ситуация для Западной Африки. И нельзя осуждать их за то, что они живут замкнуто. Просто они так живут (ПМА, 2010, г. Этамп).

На мой вопрос, как же эти молодые люди (возраст обитателей общежитий от 20 до 40 лет) живут годами без женщин, мне объяснили, что примерно раз в неделю к ним приходят проститутки. Обычно это проститутки “самого низшего разряда”, либо спившиеся, либо наркоманки, которые на небольшую плату (около 5 евро с человека) обслуживают за несколько часов нескольких мужчин.

Подобные общежития сегодня можно увидеть не только в предместьях, но и в самом Париже. Например, около Национальной библиотеки Франции (BNF), недалеко от станции метро “Quai de la gare”, в XVIII и XIX округах Парижа: эти общежития строились в индустриальных кварталах для рабочих, которые трудились на соседних предприятиях или стройках. “Я часто бываю в общежитии около станции метро “Laumière”. Я прихожу туда обедать, а когда мы делаем с друзьями вечеринки, я еду туда за едой – за несколько евро можно купить еды на 10–20 человек”, – делится со мной француз, выходец из Камеруна, живущий в Париже.

* * *

Второй тип общежития – для иммигрантов и тех граждан Франции, которые оказались в трудной ситуации (в основном те, кто не может позволить себе в силу различных обстоятельств снять даже социальное жилье). В таком общежитии условия жизни намного лучше. Начать хотя бы с его расположения – в жилом квартале рядом с другими муниципальными домами. Неплохо отремонтированное здание, с небольшим двориком, откуда можно пройти в молельный зал, доступный каждому посетителю (см. фото 3). Выглядит как студенческое общежитие: с большой кухней, оборудованной техникой, комнаты маленькие – 4–5 м, куда вмещается кровать, шкаф, небольшой холодильник и техника – телевизор, музыкальный центр.

Здесь все же стоит рассказать о моем сопровождающем, Юсуфе, как уже мной отмечалось, всегдагдаем этих общежитий. Он не только провел меня по общежитиям, но и познакомил со своими племянниками и друзьями, которые из уважения к нему, согласились дать мне интервью. Сам Юсуф с удовольствием рассказал о своей жизни.

Выходец из Мали, живущий в социальном квартале г. Этампа со своей третьей женой и двумя детьми от нее, а также дочерью от второго брака. Рассказ о его жизни еще раз свидетельствует о социальной неоднородности африканской иммиграции во Франции – даже члены одной семьи могут иметь совершенно разные социальные статусы и условия жизни в эмиграции.

Мой брат (у его отца было несколько жен, это брат от одной из первых жен, а он был самым младшим ребенком, от последней жены, поэтому разница в возрасте у них составляла больше тридцати лет – Е.Д.) был Послом Мали во Франции. Поэтому у меня не было проблем с приездом и с документами. Я приехал как студент (в начале 1980х – Е.Д.) чтобы изучать право в Университете Париж-12. У меня была стипендия Французского правительства. У меня все было прекрасно, пока мой брат не ушел на пенсию. Тогда я и узнал что такое жизнь в общежитиях... Во время учебы я жил в Университетском городке (Cité Universitaire – университетский городок в XIV округе Парижа – Е.Д.). Но мне там жить было некомфортно: все мои друзья жили в Университетском городке в Кашане (пригород Парижа – Е.Д.), там было большое малийское сообщество. Были также сенегальцы, тоголезцы, студенты из многих африканских стран. Что касается Университетского городка в Париже, то там, в основном, были европейцы, китайцы, американцы. Я чувствовал себя там плохо, чужим, у меня не

было друзей. В Университетском городке атмосфера отличается от той, которая в Кашане, где я чувствовал себя как дома, там был кусочек Африки... Я специально попросил перевести меня в Кашан ради этой атмосферы. Там жили все мои друзья и знакомые. К сожалению, я не закончил университет. Я остановился на уровне DEUG. Мои друзья предложили мне работу в Карефуре (сеть супермаркетов – Е.Д.) в городе Этамп. Я начал свою жизнь в городе в одном из общежитий (ПМА, 2010, г. Этамп).

Вот уже много лет Юсуф не живет в общежитии, но, по его признанию, практически каждый день бывает в одном из трех общежитий, находящихся поблизости. По его словам, он ходит туда встречаться с друзьями и родственниками, в местный молельный зал, обсуждать накопившиеся проблемы, или просто пить чай. На мой вопрос, каким образом он, брат Посла Мали во Франции и некогда друг сыновей высокопоставленных чиновников Мали (во время наших встреч он много мне рассказывал о своих “приключениях” с ними и вечеринках в парижских ночных клубах), оказался в неблагополучном районе отдаленного пригорода, Юсуф объяснил, что его семья настолько большая, что в ней есть “и послы, и крестьяне”:

В 1960-е гг. мой брат уехал учиться во Францию. Тогда отбирали молодых людей для учебы в Университетах за границей. Это была новая элита нашего общества. Другие так и остались жить в деревне... Мои родители коммерсанты. Моя мама безграмотная. Наша семья не относится к элите. Мы жили в Бамако в традиционном доме. Она была достаточно большой. У моего отца было 4 жены, и я был 48 ребенком в семье, считая всех рожденных и умерших детей. Мой отец 1886 г.р. А мама 1913. Сам я родился в 1957. Когда я жил в Париже и мой брат был Послом, меня узнавали на дискотеках на Елисейских полях, куда я ходил с сыном президента Мали и другими детьми элиты. Но как только он уехал – пропали все связи. Я переехал в Этамп (ПМА, 2010, г. Этамп).

В ходе моего исследования я познакомилась с его племянниками, которые жили в исследуемых мной общежитиях:

В Мали я был студентом и после учебы я приехал во Францию. Сначала тоже как студент. Я записался в университет, но не закончил его и стал работать. Сейчас я работаю охранником. У меня есть жена. Она живет в Мали с моими родителями (ПМА, 2010, г. Этамп).

В Мали я был архитектором, работал в строительной фирме. Мы делали и частные заказы, и государственные. Я приехал во Францию, чтобы набраться опыта. Но работаю уже 10 лет в охране. Я не смог продолжить учебу здесь, потому что мне надо работать, чтобы прожить. Работа отнимает все время. Я так и не записался в Университет (ПМА, 2010, г. Этамп).

Я был рабочим в Мали. У меня все было хорошо. Я строил дома. Мой дядя (мой сопровождающий – Е.Д.) пригласил меня работать в более развитую страну (во Францию – Е.Д.). Я приехал для того, чтобы развивать свой кругозор и иметь жизненный опыт. Я зарабатываю на жизнь – строю дома. Два года я проработал в одной строительной фирме, теперь перешел в другую. Сначала я был разнорабочим, теперь я каменщик (ПМА, 2010, г. Этамп).

Основными местами работы моих собеседников были стройки и магазины (в основном они работали там охранниками). Практически все указывали на то, что образование (в основном среднее техническое) им во Франции практически не пригодилось. Будучи каменщиками, строителями, они начинали работу с простых разнорабочих, и лишь зарекомендовав себя, через несколько лет могли получить работу по специальности, но, практически во всех случаях из-за отсутствия документов, их работа все равно оплачивалась хуже, чем у граждан Франции.

Посмотрите на охранников в супермаркетах: среди них много “черных”⁸. Спросите, есть ли у них дипломы, и вы узнаете, что они есть практически у всех. Они не могут найти другой работы. И это распространенный во Франции феномен. Несколько лет назад сгорели общежития в 13-м округе Парижа, около станции метро “Quai de la Gare”. Оказалось, что среди тех, кто там жил, были люди, занимавшие ответственные должности, даже работавшие в парижской мэрии, но у них не было своего жилья, потому что им никто не хотел сдавать квартиры, (Интервью Патрик Лозес, бывший президент CRAN⁹).

Однако даже при наличии родственников в Европе не все малийцы могут выехать из родной страны. Во-первых, Франция накладывает определенные ограничения по количеству и по степени родства тех, кого иммигранту разрешено приглашать. В официальном приглашении, оформляемом в мэрии, родственникам или знакомым могут отказать без объяснения причин. Во-вторых, даже если африканцы могут получить приглашение от своих родственников, живущих во Франции, то в семье так много желающих эмигрировать в страну, что некоторым приходится ждать “своей очереди” на получение приглашения по несколько лет:

У нас в стране (в Мали – Е.Д.) много проблем, поэтому я решил приехать во Францию. Мой дядя не мог тогда меня пригласить – была очередь из моих братьев, и я решил сам добраться – этап за этапом. Сначала я перешел пустыню, потом плыл на корабле в Испанию. На корабле было очень холодно, и у нас было много проблем. Я приплыл в Испанию без сознания. Меня поместили в местный госпиталь, и полицейские следили за мной. Но я сбежал и нашел способ добраться до Франции. (ПМА, 2010, г. Этамп).

Такой путь во Францию среди многих выходцев из Африки южнее Сахары и сегодня остается популярным. Даже если семья имеет возможность собрать деньги на билет на самолет, молодые люди, не имеющие визы, не могут легально перебраться в Европу. Они предпочитают рисковать жизнью, перебираясь без воды и еды пешком или на грузовиках через пустыню, а затем, переплывая ночью на простых рыбацких лодках из Марокко в Испанию, утешая себя тем, что не они станут жертвами заморозков или бури, нежели еще несколько лет жить без работы. При этом они достаточно хорошо осведомлены от своих же родственников, в каких условиях им придется жить на другом континенте, и какую работу выполнять. В отличие от иммигрантов 1960-х они не тешат себя иллюзией богатой европейской жизни, а лишь хотят изменить свою. Поскольку люди не видят перспектив у себя в стране, городе, деревне, а экономическое благополучие многих семей в этих городах и деревнях зависит от эмиграции трудоспособных мужчин, молодые люди стремятся выехать в Европу.

У меня нет ни детей, ни жены. Я приехал для того, чтобы моя жизнь стала лучше, чем в Мали. Но когда Вы приезжаете во Францию, вы сталкиваетесь с трудностями. Франция очень хорошая страна, но надо признать тот факт, что здесь у африканцев много трудностей с работой, жильем. Мы здесь заблокированы. У нас у всех есть дипломы. У меня есть диплом (каменщика – Е.Д.). Но он не нужен здесь. (ПМА, 2010, г. Этамп).

Помимо трудностей с признанием их дипломов, все же основной проблемой во Франции для многих остается получение вида на жительство (*carte de séjour*). Большинство обитателей общежитий годами не имеют документов, работая нелегально. “Я архитектор, но у меня нет документов, и я ничего не могу с этим поделать, даже подтвердить свой диплом”. Многие собеседники говорили о замкнутом круге – они не могут получить документы, вследствие чего не могут подтвердить во Франции дипломы, и соответственно не могут наняться на работу по специальности, так как там нужны дипломированные специалисты. По их заверениям, этим часто пользуются работодатели, которые доверяют им профессиональную работу, но платят как простым разнорабочим.

Я – рабочий. Рабочий – это как ученый. Мы создаем вещи. Но у меня проблемы с документами. Я стараюсь их решить, но власти меня не понимают. Даже если у тебя есть опыт работы, талант и знания, они тебе не верят. Они только видят, что у тебя нет документов. У африканцев все по-другому. Для нас документы не так значимы. В Европе, если у тебя нет документов, у тебя нет будущего. Я квалифицированный рабочий, но они на это не обращают внимание. Я здесь живу уже 8 лет. Благодаря моему начальнику я улаживаю ситуацию с документами. Я хочу вернуться домой, для этого я здесь работаю. (ПМА, 2010, г. Этамп,

Во французском обществе нам очень тяжело. Например, существует множество неприятных выражений относительно нас. Нам все время говорят об интеграции. Надо чтобы мы говорили по-французски, приняли французскую культуру, стали французами. Чтобы мы забыли свои корни. Но нельзя родиться два раза. Во Франции есть вещи, которые мы никогда не примем – например, есть свинину... (выходец из Мали, общежитие, Этамп, 2010).

В отличие от обитателей предыдущего “малийского общежития”, мои собеседники из второго общежития не ведут замкнутый образ жизни. По выходным они ходят на дискотеки, в кино, ездят гулять в Париж. В основном они дружат друг с другом, но у некоторых есть друзья и среди, как сами они говорят, “белых” и “арабов”. В своей стране они получили воспитание и образование в особых школах, где за основу была взята французская система образования, а также “общая история” с Францией, колониальное прошлое, отзвуки которого слышны (и видны) по сей день в Мали – все это заставляет их задумываться о связи их родины со страной иммиграции.

Мы приехали во Францию, потому что мы приехали к себе. Потому что мы все французы. Наша страна была колонизирована Францией. Это административный вопрос. Мы приехали во Францию, потому что Франция должна заботиться о странах, которые были ее колониями. Из-за трудностей, которые есть у нас в стране, мы вынуждены приезжать сюда для того чтобы помочь нашим близким в Африке. Вот какая у меня цель (ПМА, 2010, г. Этамп).

Это довольно распространенная среди моих собеседников точка зрения. Многие из них подчеркивали связь африканских стран, бывших колоний, с Францией и логическое продолжение этой связи – их эмиграция в эту страну. “Когда я говорю что Африка – это у меня дома, то и Франция это тоже у меня дома. Потому что наша страна была колонизирована Францией и все мы французы. С одной стороны французы. Потому что мой дядя приехал во Францию с документами, в которых написано что он родился на территории Франции”. (Французского Судана – Е.Д.) (ПМА, 2010, г. Этамп).

Многие из них живут надеждой, что положение, в котором они оказались во Франции – без документов (практически все собеседники), без нормального жилья, квалифицированной работы – должно каким-то образом измениться, когда Франция увидит в них своих граждан. И та история, то колониальное прошлое, которое связывает эти государства с Францией, служат для них доказательством того, что они имеют те же самые права, что и сами французы. “А выход зависит от Франции – что она сможет нам дать. Ситуация для меня постепенно улучшается. Что я сейчас жду – это хорошо здесь интегрироваться. Интегрироваться – это когда нам дадут то, зачем мы сюда приехали. Деньги, документы”, рассуждает мой собеседник. (ПМА, 2010, г. Этамп).

Интересна их интерпретация понятия “интеграция”: получение документов. Эти молодые люди именно так для себя определяют его. Они недоумевают, чего же от них еще хочет Франция: все они говорят по-французски, одеваются по-европейски, ходили во “французские” школы и в Африке постоянно общались с европейцами. Им не хватает только бумаг, которые закрепили бы за ними статус гражданина страны, который бы решил все их проблемы: жилья, работы, дипломов.

Франции надо только, чтобы мы работали. Есть у тебя документы или нет – им нужна наша работа. Африканцы потихоньку начинают что-то значить в мире. Начнем, хотя бы, с нашего брата Обамы. Сейчас начинают замечать “черных”. В Европе ты никогда не увидишь “черного” на административной или управляющей работе. Иногда, может быть, в мэрии, но на низших позициях (ПМА, 2010, г. Этамп).

“Я не хочу такой же судьбы для моих детей”, – фраза, которую не один раз я слышала в стенах общежитий. Практически все иммигранты говорят о желании вернуться на родину. Те несколько лет, которые они провели во Франции, лишили практически всех моих собеседников какой-либо надежды на будущее в этой стране. Мы встречались в воскресенье, во второй половине дня, на общей кухне общежития. Все они приехали сюда еще утром к своим друзьям или братьям (двое из них живут в этом общежитии). По их заверениям так они проводят каждое воскресенье – “в кругу родных и близких”. Общежитие (или общежития – мои респонденты живут в разных местах), становится для них домом, в который они приходят в выходные дни, чтобы увидеть свою “семью”, пообщаться с братьями, поделиться проблемами или успехами. Многие из них хотели бы выбраться из общежития – иметь свою студию, квартиру, но те обстоятельства, в которых они находятся во Франции, не позволяют им это сделать.

* * *

Во многом жизнь иммигранта из стран Африки южнее Сахары во Франции определяется тем, в какое общежитие он попадает: селится ли он в “малийском общежитии”, общаясь во Франции только с родственниками и друзьями из своего региона; или же он попадает в общежитие, где его соседями оказываются и французы, и жители других стран, что позволяет ему уже в самом общежитии обрести разных знакомых. Но для тех и для других на многие годы общежития становятся домом, где живет их “семья”, куда они приходят в поисках поддержки и защиты.

“Малийские общежития” не ушли в прошлое: как показало исследование, многие общежития сохраняют неизменной свою структуру и традиции. В них живут уже сыновья или даже внуки тех, кто приезжал на заработки во Францию 30–40 лет назад. Исследователь африканской иммиграции во Франции Ж. Бару делает следующие выводы: больше всего привязаны к общежитиям те, кто считает, что не сможет из них “вырваться”, кто не надеется найти другое жилье, обрести другую жизнь. Более того, изначально, будучи выходцами из народа, в культуре которого принято жить общиной, они не могут себе представить жизнь отдельно от “своих”. Это во многом, по мнению исследователя, объясняет, что иммигранты из стран Африки южнее Сахары чувствуют себя более комфортно чем, например, европейцы в таких общежитиях (Barou 1996). На мой взгляд, это верно по отношению именно к обитателям “малийских общежитий”.

Сегодня многие обитатели “малийских общежитий” это, как и раньше, выходцы из деревень, чьи отцы и дяди прошли тот же самый путь мигранта. Многие из них плохо говорят по-французски (основная часть их обитателей выучила язык уже во Франции), они рассматривают свое пребывание в стране как временное и не стремятся интегрироваться в европейское общество. Как и 50 лет назад, основная цель их приезда – накопление денег, которые позволят им построить свой дом и обеспечить свою семью.

Возможно, сегодня стоит говорить не об изменении профиля малийской иммиграции, а появлении в ней новых фигур. В последние несколько лет во Францию устремились молодые люди, получившие в Мали образование – среднее техническое или даже высшее. Они приезжают в страну в надежде найти работу, повысить свою квалификацию и заработать денег. Однако последнее, хотя и является для них важной причиной эмиграции, но, по их заверениям, – не определяющей.

Эти молодые люди не ведут замкнутый внутри своего сообщества образ жизни, хотя и постоянно общаются друг с другом, даже если живут на разных концах города. Их образ жизни во Франции не предполагает замыкание внутри общегития: хотя они могут жить далеко друг от друга, они часто общаются, оказывая моральную и материальную поддержку и помогая друг другу в трудных ситуациях. Несмотря на высказанное большинством собеседников желание вернуться на родину, они все же сохраняют надежду получить гражданство Франции и найти соответствующую их квалификации работу.

В отличие от “малийских рабочих” эти молодые люди не могут скопить большие суммы денег на будущее: их образ жизни не предполагает постоянную экономию ради этой цели. Более того, их участие в жизни французского общества является для них своего рода признанием, пусть даже неформальным, со его стороны их присутствия в стране. Кино, дискотеки, бары, модная одежда – все это для них самих является доказательством того, что они могут претендовать на право называться гражданами страны и стать ее частью.

Примечания

¹ Сонинке – народ, проживающий в Западной Африке, в основном в Мали, вдоль границы с Мавританией между городами Нарой и Ниоро, а также в Сенегале и Мавритании.

² Официально во Франции существуют общегития для иммигрантов. “Малийское общегитие” – самоназвание – те общегития, в которых селятся в основном выходцы из одного района Мали, постепенно “вытесняя” других его обитателей. Существуют также созданные самими африканцами общегития – в основном, это старые дешевые дома в окраинных районах, где также африканцы годами арендуют комнаты и квартиры, передавая затем их своим родственникам.

³ Первые общегития для иммигрантов появились во Франции в 1947 г. и в это время они назывались “лагеря временного пребывания” (“camps d’hébergement”). В 1960-е г., после обретения независимости африканскими странами, иммигранты-рабочие, приехавшие во Францию, имели небольшой выбор: либо жить в дешевых отелях, либо в заброшенных домах. Именно в это время, по инициативе алжирских рабочих и при участии французского государства в стране создается организация SONACONTRA (SOciété NAtionale de LOgement pour les Travailleurs ALgériens), которая строит общегития для иммигрантов-алжирцев и контролирует проживание иммигрантов во Франции. Очень быстро эта организация взяла под свое покровительство не только алжирских иммигрантов, но и всех остальных. В 1958 г. во Франции также был создан Фонд социального действия (Fond d’Action Sociale – FAS), основная задача которого сводилась к помощи в обретении жилья и работы алжирским иммигрантам – самому многочисленному на тот момент иммигрантскому сообществу Франции. Необходимость появления такого фонда назревала уже несколько лет – послевоенный наплыв иммигрантов, оказавшихся на территории страны по приглашению властей, был в конце 1950-х годов значителен, и представители именно алжирской иммиграции заговорили о необходимости создания общественного органа при поддержке государства для обеспечения условий проживания и работы иностранцев на территории страны. В 1964 фонд расширяет свою деятельность и начинает оказывать помощь и поддержку всем иммигрантам вне зависимости от страны происхождения. Основной его деятельностью было создание общегитий для иммигрантов (примерно таких же, какие строила организация SONACONTRA), где выходцы из разных стран также стараются селиться семьями или же, сплачиваясь по принципу выходцев из одной деревни, района.

⁴ По данным SOFRES, проводившим в 2007 г. исследование, целью которого было показать, связана ли дискриминация во Франции с цветом кожи, опрошенные, назвавшие себя “черными” (noirs) в 75% случаях испытывали трудности при покупке жилья или его аренде.

⁵ HLM – habitation à loyer modéré

⁶ ADOMA – нынешнее название общегитий SONACONTRA

⁷ Этамп (Étampes), город, расположенный в 48 км к югу от Парижа, супрефектура во французском департаменте Эссона (Иль де Франс). В Средние века город, впервые упомянутый в VII веке, входил в королевский домен. Сегодня это небольшой город с историческим центром и окраинными кварталами, преимущественно застроенными социальным жильем.

⁸ По-французски слово “черный” – *noir* – широко употребляется по отношению к чернокожим и не имеет негативных коннотаций. Я буду писать “черные” в кавычках, несмотря на то что во французских текстах кавычек нет, чтобы дистанцироваться от пренебрежительного смысла этого слова в русских текстах, в которых оно чаще всего относится к выходцам из республик Северного Кавказа.

⁹ Conseil représentatif des associations noires de France – CRAN – Представительный совет ассоциаций “черных” Франции.

Источники и литература

- ПМА 2010 – Полевые материалы автора. Франция, Этамп, 2010.
ПМА 2011 – Полевые материалы автора. Франция, Сен-Дени, 2011.
Atlas 2012 - L'Atlas national des populations immigrées. P.: Ministère de l'intérieur, Département des statistiques, des études et de la documentation, 2012
Attias-Donfut et al., 2007 – Attias-Donfut C., Barou J., Gallou R., Lapierre N., Razy E., Segalen M. Relations intergénérationnelles, solidarités et transmissions dans les familles immigrées. Rapport, Novembre, 2007.
Barou 1996 – Barou J., Du foyer pour migrants à la résidence sociale : utopie ou innovation // Hommes et migrations. № 1202. Oct. 1996. P. 6–13.
Barou 2000–2001 – Barou J., Foyers d'hier, résidences sociales de demain // Écarts d'identité. № 94. Hiver 2000–2001, P. 17–20.
Gubert 2008 – Gubert F. (In)coherence des politiques migratoires et de codeveloppement françaises. Illustrations maliennes // Politique africaine. № 109. 2008. P. 42–55.
Munchuelle 2004 – Munchuelle F. Les diaspores des travailleurs Soninke (1848–1960). Migration volontaires. P.: Karthala, 2004.
Poiret 1996 – Poiret Ch. Familles africaines en France. Ethnicisation, segregation et communalization. P.: CIEMI, 1996.
Quiminal 1991 – Quiminal C. Gens d'ici, gens d'ailleurs. Migration Soninke et transformation villageoise. P.: éditeur Christian Bourgeois, 1991.
Timera 1997 – Timera M., Travail, citoyenneté urbaine et intégration communautaire marginale : les migrants soninké en France. // Sociétés africaines et diaspora. № 4. 1997. P. 95–106.
Timera, Garnier 2010 – Timera M., Garnier J. Les africains en France. Viellissement et transformation d'une migration // Hommes et migrations. № 1286–1287. Juil.–oct. 2010, P. 24–35.

E. Demintseva. We Came Here for A Hope: The Experience of Mali Immigrants in France

Keywords: immigrants, France, Africans, city space, territorial identity

The wave of mass migration of the Mali to France started in the 1960s: young villagers came to the country for several months or years, then returned, and their brothers and sons would now go to take their place. In France of the time there emerged a notion of “Mali hostels”; these were hostels which grew sporadically or were officially organized, and those resided in them were the Mali coming out of the same village or area. The article examines the history of Mali migration to France and analyzes the role of “Mali hostels” as social organisms in city space. The article draws on interviews conducted in 2010–2011.